

А.А. Худяков
г. Архангельск

Концепт и значение

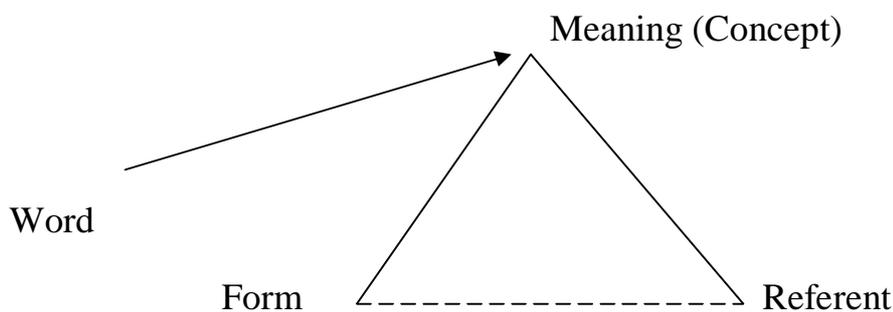
Изучению природы концепта в современной лингвистике уделяется первостепенное значение. Однако любая попытка постичь природу концепта неизбежно связана с осознанием факта существования целого ряда самых разнообразных точек зрения на неё. На наш взгляд, чрезвычайной разноречивой в подходе к анализу контентивного, содержательного (в противоположность внешнему, формальному) плана языка обусловлен в первую очередь нерешённостью вопроса о разграничении схожих явлений и часто возникающей вследствие этого терминологической путаницей. Так, довольно часто приходится сталкиваться с отсутствием дифференциации между «денотатом» и «референтом», «референтом» и «значением», «значением» и «концептом» и т.д. В значительной степени такое положение дел объясняется и тем, что предмет исследования – языковой аспект мыслительной деятельности – является объектом многих наук, включая медицину, логику, семиотику, психологию и лингвистику. Таким образом, приходится признать, что решающая роль в успехе описания природы концепта принадлежит ограничению его от смежных одноплановых явлений, и в первую очередь, значения. Лишь определив взаимные отношения концепта со значением, можно надеяться на успех в анализе онтологического статуса концепта.

Приступая к изложению основных точек зрения на соотношение концепта и значения, следует отметить, что эта проблема является одной из самых сложно решаемых и дискуссионных в теоретическом языкознании наших дней. Это объясняется тем, что, во-первых, при их анализе мы имеем дело с сущностями плана содержания, не данными исследователю в непосредственном восприятии, судить о природе и свойствах которых мы можем лишь на основе косвенных данных. Во-вторых, и концепт, и значение, как было отмечено выше, являются объектами, по меньшей мере, двух наук – логики и лингвистики, каждая из которых отличается от другой и целями, и методами, и акцентами исследования, не говоря уже о некотором различии соответствующих терминологических аппаратов. Это хорошо видно на примере дефиниции концепта, которую предлагает Лингвистический энциклопедический словарь: «Понятие (концепт) –

явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение – в системе языка, понятие – в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике» [ЛЭС 1990: 384]. Находясь на пересечении исследовательских интересов двух родственных наук, концепт и значение, с одной стороны, получают более комплексное и всестороннее описание, а с другой – неизбежно имеет место и нежелательная интерференция сферы логики и сферы лингвистики, что далеко не всегда способствует проявлению статуса описываемых объектов, особенно в плане чёткой делимитации одного от другого. Возможно, именно этим объясняются попытки (впрочем, достаточно немногочисленные) некоторых лингвистов вывести значение за пределы лингвистики, трактуя его как категорию неязыковую по своей природе, являющуюся одной из специфических функций мышления или же одним из его материальных процессов [Волков 1966: 61], т.е. сущностью сугубо логической. Такая точка зрения на значение сколько-нибудь широкого распространения в языкознании не получила, но факт её существования сам по себе весьма симптоматичен.

Наконец, и как чисто лингвистический феномен значения получало и получает необычно разнообразный диапазон трактовок, что весьма затрудняет определение его места в системе отношений с сопоставимыми явлениями, включая концепт. Так, Н.Г. Комлев насчитал только семь основных концепций значения: «значение есть: 1) называемый предмет; 2) представление о предмете; 3) понятие; 4) отношение: а) между знаком и предметом; б) между знаком и представлением о предмете (или идеальным предметом); в) между знаком и понятием; г) между знаком и деятельностью людей; д) между знаками; 5) функция слова-знака; б) инвариант информации; 7) отражение (отображение) действительности» [Комлев 1969: 10]. Уже из одного этого перечисления видно, сколь сложно проанализировать феномен значения, а следовательно, и определить его взаимоотношение с концептом. При этом следует отметить, что со времени выхода в свет книги Н.Г. Комлева (1969) количество концепций значения в современном языкознании отнюдь не уменьшилось. Проанализируем наиболее показательные из них.

В трактовке Дж. Лайонза значение отождествляется с концептом, что представляется неверным, зато чётко разводятся недифференцируемые некоторыми авторами понятия концепта и референта, и, во-вторых, проводится очень важная для понимания природы словозначения мысль о том, что слово есть неразрывное единство формы и значения. Иллюстрируется это следующей схемой [Lyons 1968: 404]:

У.Л. Чейф, совершенно обоснованно уделяющий первостепенное внимание понятийному (концептивному) фактору в языке, на протяжении всей работы [Чейф 1975] неоднократно подчёркивает лингвистическую релевантность понятий, но, к сожалению, никак не дифференцирует концептивный и семантический аспекты. Автор либо вообще исключает семантику из описания языковых процессов, либо употребляет термины «понятийная структура» и «семантическая структура» синонимично. Примером первого подхода может служить такое описание автором работы языкового механизма: «В самых общих чертах язык включает в себя следующий процесс. Некая конфигурация понятий возникает внутри нервной системы некоего индивида, который в силу какой-то причины часто, но необязательно связанный с целенаправленной коммуникацией, вынужден трансформировать эти понятия в звук. Звук идёт к другому лицу или лицам, находящимся в пределах слышимости, и, как правило, вновь превращается внутри их нервной системы в некоторое факсимиле первоначальных понятий. По ряду причин это факсимиле обычно несовершенно: тут и неизбежные индивидуальные различия в понятийном репертуаре, и отсутствие полного соответствия между языковыми системами отдельных индивидов. Но при этом язык позволяет передавать понятия удивительно тонкими и эффективными способами» [Чейф 1975: 29]. Как это ни удивительно, но семантика здесь даже не упоминается.

Примером второго из указанных подходов может служить следующий фрагмент описания Чейфом процесса порождения высказывания: «Прежде всего имеются понятия, а так же способы их комбинирования в широкую шкалу различных конфигураций. Впредь для этой области я буду пользоваться термином семантическая структура. Язык обеспечивает превращение конкретных семантических структур в звук [Чейф 1975: 40-41].

Под каким же углом зрения следует рассматривать соотношение концепта и значения? Интересные мысли на этот счёт находим у целого ряда авторов. Так, О.С. Ахманова показывает несводимость языкового значения к понятию [Ахманова 1957: 28] и доказывает, что значения являются частью языка (там же). По О.С. Ахмановой, «между словами (а стало быть, и значениями. – А.Х.) и понятиями нет взаимно однозначного соответствия» [Ахманова 1957: 31]. Е.И. Шендельс справедливо утверждает: «очевидно, что слово и объём его значения не равны понятию» [Шендельс 1962: 20]. В.А. Звегинцев также отграничивает значение и понятие [Звегинцев 1962: 344] и следующим образом вскрывает основу различия между ними: «Различие между понятием и лексическим значением слова заключается в том, что в формировании первого принимают участие, так сказать, две силы: предмет и мышление, а в формировании второго – три силы: предмет, мышление и структура языка [Звегинцев 1962: 346].

Представляется, что истоки трактовки соотношения между концептом и значением как соотношения между собственно мыслительным и собственно языковым следует искать в отечественной лингвистической традиции, восходящей к И.А. Бодуэн де Куртенэ и А.А. Потебне. Так, И.А. Бодуэн де Куртенэ писал: «В языке, или речи человеческой, отражаются различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих. Поэтому мы вправе считать язык особым знанием, т.е. мы вправе принять третье знание, знание языковое, рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным и знанием научным, теоретическим.

Признавая язык третьим знанием, знанием языковым, мы должны помнить, что только незначительная частичка наличных способностей и различий физического и общественного мира обозначается в данный момент в речи человеческой. В одном языке отражаются одни группы внеязыковых представлений, в другом – другие. То, что некогда обозначалось, лишается со временем своих языковых экспонентов; с другой стороны, особенности и различия, ранее вовсе не принимаемые в соображение, в более поздние эпохи развития того же языкового материала могут получить вполне определённые экспоненты (таково, например, различие формальной определённости и неопределённости существительных, свойственное нынче романскому языковому миру, но чуждое состоянию латинского языка). Известные эпохи жизни языка благоприятствуют обнаружению одних сторон человеческой психики в её отношении к внешнему миру, другие – обнаружению других сторон; но в каждый момент жизни каждого языка дремлют в

зачаточном виде такие различия, для которых недостаёт ещё особых экспонентов» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 79, 83-84].

Из процитированного следует, что а) не всё мыслительное репрезентируется в языковой форме (не имеет своих «экспонентов») и б) то мыслительное, что отражено в языковом знаке, в разных языках и на разных стадиях развития одного языка, может быть отражено по-разному.

А.А. Потебня выдвигает идею о нетождественности мыслительного и языкового путём противопоставления так называемого «ближайшего» (т.е. собственно языкового) значения и значения «дальнейшего», соотнесённого со сферой неязыкового знания (содержания). По его мнению, языковые значения слов являются внутренней формой, или «способом представления внеязычного содержания» [Потебня 1977: 47].

М.В. Никитин трактует концепт как категорию мыслительную [Никитин 1974: 5], языковое же (семиотическое) значение он определяет как «концепт, связанный знаком» [Никитин 1974: 18]. Действительно, когда дискретный элемент сознания – концепт – увязывается с некоторым языковым содержанием, последнее получает статус десигнатной части словесного знака, определяемой данным концептом.

Установив факт нетождественности концептивного и семантического планов, попытаемся раскрыть суть взаимоотношений между ними. В этом плане заслуживает внимания мысль А.В. Бондарко о том, что семантические категории относятся к понятийным (концептивным) как варианты к инвариантам [Бондарко 1973: 12-13; 13, 59]. Подобный подход позволяет избежать разного рода крайности в трактовке рассматриваемой проблемы, которые выражаются либо в отрыве семантической сферы от концептивной, либо в их отождествлении. Преимущество же такого подхода состоит в том, что, с одной стороны, подчёркивается нетождественность сферы семантики и сферы концептов, а с другой – чётко определяется неразрывный характер связи между ними.

Действительно, концепты и значения не находятся во взаимоднозначном соответствии. Концепты являют собой относительно стабильный и устойчивый когнитивный слепок с внеязыкового мира, так как связаны с ним более непосредственно, чем категории семантики. Последние относятся к явлениям языка, причём, не только языка вообще («глубинная семантика» у А.В. Бондарко [Бондарко 1973: 12-13]), но и конкретного данного языка со всеми присущими ему отличительными особенностями («поверхностная семантика» (там же)). В связи с этим может иметь

место определённая асимметрия между концептивным и семантическим планами. Проиллюстрируем это на примере часто приводимых для подобных целей предложений типа *Рабочие строят дом. – Дом строится.*

Рассмотрим соотношение между концептивной (понятийной) категорией агенса и соответствующей семантической категорией (или, в терминологии семантического синтаксиса, ролью, падежом).

Концепт агенса реализуется в предложении а) так же, как и семантическая роль агенса – в слове «рабочие». Здесь можно констатировать случай ролевого соответствия семантического плана концептивному. В примере б) семантическая категория агенса отсутствует по той причине, что нет самого словесного знака, десигнатная часть которого и определяла бы его значение, его семантику. В то же время агент как концептивная категория реально присутствует в сознании. Тот факт, что в предложении б) нет специализированного словесного знака, формализующего указанный концепт и выражающего своей материальной, десигнаторной стороной соответствующую семантическую категорию, не свидетельствует об отсутствии у говорящего или слушающего понятия об активно и целенаправленно действующем лице, сознательно направляющем свою деятельность на определённый объект (т.е. об агенте). Следует со всей определённо подчеркнуть, что знаковая (а значит, и семантическая невыраженность концепта вовсе не свидетельствует о том, что его существование в сознании менее реально, чем в том случае, когда он находит своё выражение в знаке. Представление о том, что действие строительства дома (как в наших примерах) осуществляется кем-то, неизменно присутствует в нашем осмыслении ситуации. Отсутствие слова с агентивным значением в реальном речевом высказывании может как раз свидетельствовать о том, что говорящий расценивает тот факт, что дом не может строить себя сам, что дом всегда строится кем-то, как некую естественную, привычную, хорошо известную из жизненного опыта, само собой разумеющуюся данность. Если коммуникативное задание высказывания его прагматическая установка не предполагают заострить внимание собеседника на том, кто именно совершает действие, но отсутствие обозначающего агенса слова может быть признано коммуникативной нормой. Известно, что речевая деятельность имеет тенденцию к экономии средств выражения, опусканию всего коммуникативно избыточного, но коррелирующие с предложением концептивные структуры, в силу их обусловленности логико-психологической сферы, отражающей «положение дел» самой реальной действительности, никогда не

поддаются какого-либо рода «понятийной редукции», всегда оставаясь концептивно наполненными. Следует упомянуть, что возможность внешней невыраженности категорий концептивного плана предусмотрена и теорией И.И. Мещанинова: «Без их (понятийных категорий. – А.Х.) выявления в языке они остаются в области сознания» [Мещанинов 1978: 240].

Итак, ещё раз подчеркнём, что указание на имеющую место асимметрию между концептивной и семантической сферами следует понимать как отсутствие жёстких взаимно однозначных отношений между ними (такие отношения между ментальным субстратом и его производной, в терминах которых мы описываем концептивный и семантический уровни, невозможны в принципе). Даже если идеосемантическая система данного языка не «предусмотрела» специального аналога какому-либо концепту, этот концепт может быть описательно выражен в речи посредством синтагматической конфигурации словесных знаков.

Таким образом, соотношение концепта и значения определяется их онтологическим статусом. Концепты – явление мыслительное, основная форма осуществления понятийного мышления. Это понятийный инвентарь, аппарат, находящиеся в распоряжении человека; в сумме они составляют тот понятийный фонд, из которого извлекаются мыслительные единицы для осуществления речемыслительного процесса. Значение – феномен языковой. Формируясь на основе соответствующих концептов, имеющих универсальную природу, языковые значения конституируют десигнатную часть словесных знаков, носящих идиоэтнический характер и обусловленных типологическими особенностями конкретных языков.

Литература

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. - М., 1957.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т.2. - М., 1963.
3. Бондарко А.В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий. – Л., 1973.
4. Бондарко А.В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования: Мещаниновские чтения. – М., 1974.
5. Волков А.Г. Язык как система знаков. – М., 1966.
6. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. – М., 1962.

7. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М., 1969.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
9. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Л., 1978.
10. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании: Автореф. дис... докт. филол. наук. – Л., 1974.
11. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.4. – М., 1977.
12. Чейф У.Л. Значение и структура языка. – М., 1975.
13. Шендельс Е.И. Связь языкознания с другими науками. – М., 1962.
14. Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. – Cambridge, 1968.